

18+

Эвелина Андерсон
Екатерина Дружинина

Дед Мороз
и следователь

Эвелина Андерсон
Дед Мороз и следователь

«Издательские решения»

Андерсон Э.

Дед Мороз и следователь / Э. Андерсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982841-5

Что общего у студента театрального вуза и следователя? Правильно — ничего. Но если студент стал подозреваемым в серии убийств, а следователь — симпатичная девушка, вполне вероятно, что обоим придется тягаться с опасным врагом, не имея в своем арсенале ни алиби, ни опыта. А когда в дело вмешивается любовь... Впрочем, у преступника своя игра. Смогут ли герои разгадать правила этой игры? Ведь в погоне за справедливостью так легко превратиться в жертву и погибнуть от руки любимого человека.

ISBN 978-5-44-982841-5

© Андерсон Э.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дед Мороз и следователь

Эвелина Андерсон
Екатерина Дружинина

Дизайнер обложки Анна Завгородняя

© Эвелина Андерсон, 2020

© Екатерина Дружинина, 2020

© Анна Завгородняя, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-2841-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Зима выдалась снежной. Уже в середине декабря город оброс сугробами, деревья нарядились в мохнатые белые шапки, а провода электропередач покрылись инеем. В небе, завороженные цветными огнями, сверкающими из окон квартир и витрин магазинов, медленно вальсировали снежинки. Морозный воздух дразнил неизменным ожиданием чуда и запахом мандаринов, раскрашивал узорами стекла машин и раздумывал лица спешащих домой прохожих. На площадях кокетничали увитые гирляндами зеленые красавицы, из кафе и ресторанов доносилось веселое эхо новогодних корпоративов.

У входа одного из ресторанов нетерпеливо переминался высокий молодой человек. Накладные усы и борода скрывали сердито сложенные в тонкую линию полные губы, а искусственные накладные брови вместе с вышитой блестящими узорами мурмолкой дополняли образ Деда Мороза и нависали над зелеными глазами, зорко всматривающимися в лица прохожих. Парень то и дело поглядывал на часы, как будто стрелки могли замедлить свой ход и отсрочить неминуемое фиаско, если только на горизонте не появится непростительно опаздывающая Снегурочка.

– Ну, Галка, вот удружила! – не имеющий привычки разговаривать сам с собой, в сердцах выдохнул Артем.

Он учился в театральном институте и уже четыре года не упускал возможности подзаработать в предновогодние дни. Ответственная и пунктуальная Галина с радостью согласилась на неожиданное предложение рыжеволосого сокурсника выступать в роли Снегурочки вместо вечно выкидывающей фокусы Ирки Черепановой, которая как в воду канула после первого отработанного праздника. Правда, через два дня выяснилось, что Ирка не просто пропала, а, как мололи злые завистливые языки, допрыгалась... Умерла. Причем не просто умерла – ее убили спустя несколько часов после того, как Артем с ней попрощался. Уже на следующий день его выдернули прямо с репетиции и допросили в качестве свидетеля. Толстый приземистый следователь разговаривал довольно грубо, не единожды повторяя, что Артем был последним, с кем Иру видели живой. И что с того? Артем не убийца, так какого черта этот самодовольный тип так себя вел? При других обстоятельствах он мог бы научить зарвавшегося служителя закона хорошим манерам, но, к сожалению, находился не в том положении. К тому же толстяк дал понять, что следствие положило на Артема глаз...

Неприятные воспоминания тугим узлом сжались в груди и опустились в живот. Жалко Ирку, хорошая девка была, хоть и ветреная. Полная противоположность Галины. Вот только сейчас Галя опаздывала уже на четверть часа, на звонки не отвечала, а в ресторане, у которого ждал Артем, в самом разгаре новогодний корпоратив, захмелевшая публика жаждет развлечения и зрелищ.

Артем подул на замерзающие в тонких тряпичных варежках пальцы и повторно набрал номер Галины. Бесполезно. Раздражающие гудки обрывал автоответчик, настырно предлагая звонящему высказать все, что он думает по этому поводу. А думать некогда... Стянув зубами бесполезную рукавицу, Артем принялся штудировать телефонный справочник, в надежде найти быструю замену очередной исчезнувшей Снегурке. Беглый взгляд на висящую на кирпичном фасаде потертую табличку с адресом кафе уверенно вернул непослушные пальцы в начало списка. Что ж, придется пойти ва-банк. Нехорошо, конечно, нагло пользоваться безответными светлыми чувствами, которые питает к нему студентка второго курса Марина Бабкина, но и терять возможность реального заработка нельзя. Нажав на заветный номер, Артем дозвонился до Марины и предложил вместе провести новогодний корпоратив.

– Конечно! – послышался удивленный и безумно счастливый голос. – Когда?

– Прямо сейчас. Сможешь?

– Говори адрес!

Представив, как, должно быть, заблестели Маринины глаза, Артем почувствовал укол совести. Но не передумал. Назвал место встречи, и уже через двадцать минут Марина красовалась в костюме Снегурочки, который он ей вручил. Хорошо, что девушка жила так близко. Вдвойне хорошо. Во-первых, они уже и так опаздывали. А во-вторых, недалеко провожать придется.

К счастью, праздник удался. Марина выложилась по полной, Артем даже удивился, ведь несмотря на выбранную профессию, девушка постоянно скромничала и славилась среди театралов милой тихоней. У такой, наверное, и недругов никогда не будет – никого не обидит, всегда придет на помощь. Жаль, что Артем оставался к ней равнодушным.

– Спасибо, Маринка, выручила! – искренне поблагодарил он и протянул напарнице конверт. – Вот, держи, честно заработанные.

– Не надо, – девичьи щеки мгновенно вспыхнули. – Я же так, от души...

– Бери-бери! – длинные пальцы настойчиво вложили бумажный сверток в тонкую ладошку. – Нечего благотворительностью заниматься. Вон, учись у Галки, та никогда своего не упустит.

– Это точно, – улыбнулась Марина и послушно убрала гонорар в сумочку. – А ты вроде с ней договаривался, не получилось?

– А шут ее знает, – Артем беспечно махнул рукой и сменил бутафорские варежки на любимые черные перчатки с натуральным мехом. – Должна была прийти, а от самой ни слуху, ни духу. Ты уж извини, что выдернул.

– Ничего-ничего! – поспешно отреагировала девушка, дожидаясь, пока Артем выправит стойкой ворот дубленки. – Если что – обращайся, я всегда выручу, ты же знаешь.

– Знаю, – согласился Артем и, поправив съехавшую на брови шапку-ушанку, спросил: – Ну что, пойдём? Ты ведь недалеко живешь?

– Да, в квартале отсюда, – махнула рукой Марина и, еще больше краснея, добавила: – Проводишь?

– А как же!

В течение десяти минут Артем рассказывал анекдоты и походные байки, которые, Марина верила, произошли с ним в горах. Красноречиво излагая минувшее, он вызывал улыбку и оправдывал славу беззаботного и быстрого на подъем, компанейского парня, совершенно случайно ступившего на артистический путь. Об этом судачил весь поток – Артем Яковлев не грезил сомнительной известностью, а всего лишь поспорил с подружкой, в душе которой кипели страсти по поводу чудом не заваленного ею первого вступительного тура в театральную жизнь. Нервозная несдержанность девушки отразилась на отношениях пары, Артем вспылил и горячо заверил подругу, что запросто поступит в театральный. И в итоге выиграл спор. Вскоре с несостоявшейся актрисой он расстался, а мечта (да и не мечта, а так – цель) стать автомехаником уступила место гонке за роли.

Поравнявшись с нужным подъездом, Артем поинтересовался:

– Какие планы на следующую сессию?

Марина неопределенно пожала плечами.

– Говорят, Гетман Грибоедова ставить собралась, попробую прослушивание на Софью пройти. А ты? – в серых глазах заплескалась надежда. – Попытаешься?

Артем усмехнулся, ловко скрыв досаду за изгибом плотно сомкнувшихся губ, и жизне-радостно заверил:

– Старая клюшка не дождется моей капитуляции. Поэтому, если уж не Чацкого, эпизодическую я у нее точно оттяпаю.

Марина счастливо улыбнулась, а Артем мысленно проклял «госпожу Гетман» – именно так пожилую ехидну величали студенты. Правда, Матильду не относили к старухам, потому

что благодаря пластике, дорогущей косметике и еще бог знает чему, похотливой режиссерше с большим натягом давали тридцать пять, а чаще – тридцать. Гладкая, без единой морщинки кожа; огромные синие глаза; пухлые алые губы; ухоженные руки с идеальным маникюром; прямая спина и тонкая талия; упругая пышная грудь, которую она с вызовом демонстрировала посредством нереально глубоких вырезов, – красота Матильды завораживала, и многие молодые студенты велись на отточенные за годы чары, меняя пыл упругих тел на главные роли в постановках. Еще на первом курсе до Артема дошли слухи о том, что эта представительная, занимающая в театральных кругах не последнее место дамочка, питает слабость к симпатичным парням. Но не придал этому значения, пока однажды, спустя год обучения, Матильда не обратила на него свой васильковый взор...

Артем оказался крепким орешком. На него не действовали ни заигрывания, ни заманчивые обещания, ни угрозы. И поначалу к ухищрениям Матильды он относился с иронией, неизменно одаривая настойчивую соблазнительницу снисходительной улыбкой. Пока ректорша не взбесилась и все, даже самые незначительные роли не стали проплывать мимо него. Да, Матильда очень красивая, эффектная женщина, и, возможно, из эгоистичных соображений имеет смысл переступить через себя и провести с Гетман пару ночей. Но чем дальше заходила нездоровая охота Матильды, тем противней становилось от одной только мысли о том, чтобы делить с этой холодной, отпугивающей женщиной постель. Именно поэтому единственной главной ролью, которую за почти четыре года театральной жизни исполнял Артем, стал Дед Мороз. Правда, со Снегурками в этом году что-то не клеилось... И все же он не унывал и исправно посещал все прослушивания хотя бы ради того, чтобы лишний раз помозолить госпоже Гетман глаза.

– С наступающим! – Артем игриво щелкнул притихшую девушку по носу, и она смущенно опустила глаза.

– Значит, в этом году уже не увидимся? – тонкий голосок предательски дрогнул.

Артем улыбнулся. Детская непосредственность Марины невольно пробуждала желание схватить ее в охапку и крепко-крепко обнять, как сестрицу, по-дружески. Вот только именно с ней он не мог себе такого позволить, чтобы лишний раз надежду не дарить. Терзаемый противоречивыми чувствами, Артем пообещал:

– А как же институт? Очень даже увидимся, – заверил он и добавил: – Если Галка не объявится, завтра в том же месте, в тот же час. Идет?

– Идет! – тут же расцвела Марина и с затаенным ожиданием спросила: – Ну, я пошла?

– Ну иди, – как можно беспечней ответил Артем, но стоило девушке сделать шаг назад крикнул: – Стой!

– А? – отозвалась Марина.

– У тебя кровь из носа течет! – Артем машинально подал девушке платок. – Ты как себя чувствуешь? Давай, до квартиры доведу?

– Не надо, – тихо возразила Марина и зажала платком нос. – У меня часто такое бывает – сосуды слабые. Я привыкла...

– Уверена?

– Да. Видишь? Уже остановилась.

– Пойдем, – безапелляционно возразил Артем и, взяв Марину под локоть, повел в подъезд. – Какой этаж?

– Шестой, – девушка послушно скользнула в лифт. – Зря ты, Темка, беспокоишься... Ой, ты пятый нажал.

– Да? – нахмурился Артем и присмотрелся к кнопкам: цифру пять аккуратно исправили на шестерку. – Вот засранцы.

– Ничего, – отмахнулась Марина, когда лифт отсчитал этажи, – один пролет и пешком дойду. Пока!

– До встречи.

Под бойкий цокот каблучков Артем нажал кнопку первого этажа и обнаружил на полу кабины случайно оброненный Мариной платок. Решив, что выбросит его в ближайшую урну, он спрятал тряпицу в карман дубленки и отправился домой, про себя отметив, что на пятом этаже новостройки витает такой знакомый, едва уловимый аромат...

До дома Артем добирался пешим ходом. Цветная панорама вечернего города и хрустящий снег вместе с щекочущим веснушчатый нос морозным воздухом подгоняли в домашний уют холостяцкой квартиры. Представив, как тепло ароматного чая растекается по телу, Артем мечтательно улыбнулся, и уже через полчаса чашка с заветным напитком приятно грела руки. Артем принял душ и под «Камеди» лег в кровать. Усталость отзывалась гудением в мышцах, завтра предстояли долгие, абсолютно бесполезные из-за треклятой Гетман репетиции, но он не мог уснуть – лежащий рядом мобильник не давал покоя. Артем не выдержал, схватил его и, выискав в справочнике телефон отца, уже почти набрал номер, но в итоге передумал. Лучше матери позвонить...

– Мам... – замялся он, когда разговор приблизился к завершению. – Как у папы дела?

На том конце воцарилось недолгое молчание.

– А ты сам не хочешь у него спросить? – дрогнул мягкий женский голос.

– Ты же знаешь, – поморщился Артем, – он не захочет меня слушать.

– А ты попробуй.

– Нет.

Женщина вздохнула.

– У него все хорошо.

– А работа?

– Как обычно.

– Мир полон несправедливости?

– Он так считает. И я уверена, отец ждет твоего звонка.

– Я позвоню. Позже.

– Обещаешь?

– Обещаю.

На этом разговор закончился. Артем убавил звук телевизора и отвернулся к стене, но мысли то и дело возвращались в прошлое, в день, когда они с отцом серьезно повздорили. День, когда Артем сообщил родителям, что поступил в театральный. Надо же, столько лет прошло, а они до сих пор словно чужие люди. Отец даже не знает, что Артем проходит свидетелем по уголовному делу...

– Наконец-то мечта сбылась! – шумно выдохнула миниатюрная шатенка с правильными чертами лица. Пронзительно голубые глаза светились счастьем, губы расплылись в улыбке, и все помещение наполнилось искренним щенячьим восторгом.

Саша плюхнулась на жесткий стул, обитый коричневым велюром, и с нежностью провела ладонью по выдавшей виды столешнице. Шесть лет бесконечной зубрежки, долгие месяцы практики в роли «принеси-подай», и вот оно – счастье! Древний монитор, клавиатура с почти стертыми буквами, черная карандашница с торчащей из нее одинокой ручкой. Все казалось чем-то нереальным. Но нет, это правда. Достигнута цель, к которой Сашка шла с седьмого класса. Именно тогда во дворе, где она так любила играть с мальчишками, произошел ужасающий судьбоносный инцидент. Ватага детворы носилась между деревьями, играя в войнушку. Здесь же, среди сплошь мужского коллектива затесалась Сашка. Даже не затесалась, а выросла, давно став своей в доску и воспринимаемая пацанами на равных. Притаившись за толстым

стволом дерева и высматривая врага, она не поняла, как оказалась в жестком кольце незнакомых рук. Хищные пальцы больно сжимали хрупкое девичье тело, только начавшее путь превращения из девочки в девушку.

– Молчи, соплячка, или сверну твою тонкую шею, – прорычали в самое ухо.

Несмотря на угрозу, Сашка закричала. Ее отчаянный вопль мгновенно задавила мокрая шершавая ладонь. Вцепившись зубами в палец нападавшего, она снова завизжала, но вдруг в голове что-то взорвалось, и тьма поглотила девочку.

Очнулась Саша в больничной палате. Возле койки сидела мама с опухшим от слез лицом. Увидев, что дочь открыла глаза, она встрепелась и запричитала, благодаря всех святых. Сотрясение мозга и перелом носа – такой подарок получила Сашка от преступника. Зато жива...

Как выяснилось позже, на девочку напал подвыпивший родственник какой-то шишки. К счастью, визг отчаявшейся девчонки услышал только вернувшийся из армии соседский парень. Он не просто вырубил бандита, а забил его до полусмерти. Увы, никому не нужный детдомовец против гада со связями оказался бессилён. Сашкиному спасителю дали два года общего режима, осудив по статье 111 (ч.1) УК РФ, и никакие доводы в пользу парнишки не помогли. Свидетели наблюдали только сцену избиения и не могли точно сказать, какова причина столь бурной атаки молодого человека на хмельного мужчину. Сама Саша после пережитого шока не разговаривала три месяца, да и показания тринадцатилетнего ребенка мало кого интересовали, учитывая личности фигурантов. Дело быстро замяли.

Полгода Саша сидела дома и выходила на улицу только с родителями. К своей обычной жизни она возвращалась медленно и с большими усилиями. Тогда же Сашка решила стать следователем. Самым честным и справедливым. Чтобы в тюрьме сидели только те, кто этого заслуживает. Потому что иначе быть не может! И такие, как Сашкин спаситель, должны считаться героями, а не прозябать на нарах и бежать из родного города за тридевять земель, спасаясь от вечного клейма «бывший зек».

И вот теперь она здесь, следователь Семенова Александра Сергеевна. Золотой медалист академии МВД.

Тряхнув кудряшками, Сашка, вернее Александра Сергеевна отогнала печальные воспоминания и углубилась в изучение папок, беспорядочно разбросанных по столу.

Хозяин кабинета, следователь Кротов, которому поручили шефство над новой сотрудницей, явно не отличался любовью к порядку. Только Сашу сей факт нисколько не огорчал, ведь что такое беспорядок в сравнении с новыми возможностями?

Открывая одно дело за другим, Саша скользила взглядом по строчкам, вчитываясь в каждую букву. Особенно внимательно она изучала доказательственную базу и обстоятельства преступления. В общем-то, ничего страшного ей не попалось: несколько хулиганов, один карманник и подравшийся с охранником пьяный дебошир. Даты рождения, имена, фотографии... На самом краю стола особняком лежала еще одна папка. Почему не в общей куче – непонятно. Может всяк, а может дело подозреваемого, ожидающего своей участи в заключении.

Увлечшись изучением содержимого последней папки, следователь не заметила, как за окном стемнело. В дверной проем просунулась голова в форменной фуражке:

– Что ж это вы в первый день и уже так задерживаетесь? Кротов давно дома на диване брюхо чешет!

– А? – вздрогнув, Саша бросила взгляд на коллегу, затем на окно. – Ох, ничего себе! И правда засиделась.

– Может, вас проводить? – в голосе старшего следователя послышалось откровенное заигрывание.

Саша усмехнулась – ну конечно, куда ж ей деться от внимания в мужском коллективе? Девушек не так много, а брызжущих тестостероном самцов хоть отбавляй.

– Спасибо, я и сама дойду. Мне бояться некого, – даром что ли она лучше не только всех девушек, но и многих парней сдавала ОФП в академии, да и некоторыми приемами единоборств владела в совершенстве? В этом ни единожды убеждались инструкторы и тренеры, вступавшие в спарринг с хрупкой барышней.

Молодой человек недоверчиво хмыкнул, но настаивать не стал – взглядом Сашка тоже умела отбивать, да так, что вопросов у оппонента не оставалось.

– Ну, как знаете, мое дело предложить, – коллега подернул плечом и скрылся в коридоре.

– Мда, а ведь и правда пора, – вздохнула Саша, снова поглядывая в окно. Но взгляд упрямо вернулся к лежащей на краю стола папке и вперился в снимок подозреваемого. Лицо интересное, притягательное. На любительском фото улыбался парень с волосами медного оттенка и небольшим скоплением веснушек на прямом носу. Четко очерченные скулы и волевая линия подбородка придавали строгость зеленым, с янтарными вкраплениями глазам, которые насмешливо изучали фотографа в момент вспышки. Саша подумала, что такие глаза у тигров. Собственно, этот подозреваемый, действительно, чем-то был похож на хищника, и все же...

– Все же очень странное чувство, странное... Не понимаю, – задумчиво потирая переносицу, бубнила она под нос. Саше не единожды приходилось читать разные дела на практике, и никогда в душе не просыпалось ничего подобного. Но только не сейчас. Какая-то смесь тревоги и неуверенности вкупе с чувством несправедливости. Словно парень с фото был либо виновен в преступлении косвенно, либо вообще невиновен. Собственно, если в деле до сих пор нет официального фотоснимка, значит, доказательная база еще не собрана и вполне вероятно, что парнишка невиновен. Отогнав от себя крамольные мысли, Саша выключила компьютер и захлопнула папку.

– Домой!

И только покинув здание, следователь Семенова, наконец, облегченно выдохнула.

ГЛАВА 2

Тяжелые удары в дверь, перекликающиеся с резкими переливами звонка, прервали долгожданный сон. Настенные часы показывали пять утра.

– Что за?..

Артем встал, кое-как наощупь натянул джинсы и, автоматически выключив телек, пошел в прихожую.

– Кто там?

– Полиция, – прозвучал смутно знакомый голос. – Открывайте.

Артем посмотрел в глазок, но из-за поднесенного к нему удостоверения посетителей разглядеть не удалось. Открыл. На пороге стояли двое крепко сложенных мужчин и толстый следователь, с которым Артем недавно общался. Парень насторожился:

– В чем дело?

– Яковлев Артем Николаевич? – уточнил один из визитеров.

– Я.

– Вам придется пройти с нами.

Артема доставили в отделение полиции. Как же это все заколебало!

– До утра нельзя было подождать? – кисло поинтересовался он, пока вместе со следователем шествовал до кабинета. Тут же мятое лицо и тусклый взгляд прищуренных глаз толстяка тошнотворной оскоминой осели в горле.

– Думаешь, мне нравится из-за таких гавриков, как ты, в пять утра на работу переться? Садись.

Артем занял жесткий стул, напротив разместился следователь.

– Напоминаю, – зевнул толстяк, – Кротов Степан Андреевич. Но мы ведь, Яковлев, уже виделись. Так что давай по существу, без предисловий. Где ты находился вчера в период с семи вечера до двенадцати ночи?

Опять двадцать пять... Артема передернуло.

– Я с Мариной Бабкиной корпоратив вел. После проводил ее до дома и к себе пошел.

– Во сколько разошлись?

– Часов в одиннадцать.

– Значит, голубчик, ты последний, кто девушку живой видел, – Степан Андреевич недобро цокнул. – Да, парень, везет тебе...

– Да что случилось?! – не удержался Артем, за что тут же поплатился.

– А ну-ка, сбавляй обороты. Вопросы здесь я задаю, ясно?

– Да мне их уже тысячу задали! Какое вы имеете право людей из кровати выдергивать? – ярость в крови бурлила все сильнее, но Кротов никак не реагировал, что поддевало еще хлеще. Тогда Артем решил, что если следователю по барабану на его права, то и Артему фиолетово на его обязанности. Хочет по-плохому? Отлично. Скрестив на груди руки, он заявил: – Я буду отвечать на вопросы только в присутствии адвоката.

– Яковлев, – выдохнул Степан Андреевич, – не дури. Цени свое и чужое время.

Но Артем больше не собирался ни о чем разговаривать. Тогда глаза следователя недобро сверкнули, и он провозгласил стоящему при входе конвоиру:

– В изолятор временного содержания его. На сорок восемь часов.

– Что?! – возмутился Артем. – За что? Не имеете права!

– Очень даже имеем, – медленным движением руки Кротов включил электрочайник и потянулся за банкой с кофе. – Например... Например, за сопротивление при задержании.

– Я не сопротивлялся!

– Да? Хм. А у меня другие сведения, – взяв бокал с дымящимся кофе, Кротов направился к выходу. – Пошли!

Артем не успел опомниться, как уже стоял перед входом в ИВС. Конвоир забрал дубленку и сотовый, велел снять шнурки и ремень.

– Карманы проверь, – напутствовал Кротов, потягивая кофе.

– Здесь карточка и платок, – отозвался конвоир.

– Записывай, – велел Степан Андреевич. – Подожди! А это что?

Цепкий взгляд выхватил красное пятно на мятой ткани.

– Ну, голубчик, что скажешь? – тяжелое дыхание опалило лицо Артема. – Кровь? Чья?

От обиды парень чуть не завыл.

– Я буду разговаривать только в присутствии адвоката, – повторно отчеканил Артем, и за спиной тут же захлопнулась тяжелая дверь...

В камере Артем дал волю эмоциям и в сердцах рубанул кулаком по бетонной стене.

– Черт! Ну, и где твоя защита?

Увесистый медальон на массивной серебряной цепочке четырнадцатилетнему Артему подарил дед. Он занимался изучением всякой ерунды: то ли магии, то ли заговоров, потом, говорят, всерьез увлекся деятельностью каких-то сект. Артем не вникал. А дед, вручая мальчику оберег, сказал, что тот защитит от дурного глаза и влияния темных сил. Принесет удачу. Артем с детства в эту ерундистику не верил, но подарок принял и исправно носил – тогда в знак уважения к деду, а сейчас как память о нем. К тому же, тяжелое украшение подчеркивало физическую силу Артема, который был достаточно высоким и крепким, так что медальон органично смотрелся на широкой груди. В общем, ему эта безделушка реально нравилась. Чего не скажешь о сегодняшнем дне.

Бедная, бедная Маринка! Артем уже успел мысленно отругать себя за то, что не довел ее до самых дверей и не передал лично в руки родителям. Кому она перешла дорогу? А Ирка? Конечно то, что обе учились в одном с ним институте, не может быть простым совпадением. Но как убедить следствие в том, что он по чистой случайности оказался последним, с кем девушек видели живыми?

Хриплый бас отвлек от скорбных мыслей:

– Яковлев, на выход. Тебя ждет адвокат.

– Шустрые какие, – огрызнулся парень, удивляясь столь быстрой реакции следствия на его заявление. Да уж, умеет жизнь шутить. К Артему Яковлеву – государственный адвокат! Да и вообще, адвокат...

– Что встал? – конвоир нетерпеливо подтолкнул в спину на мгновение застывшего в дверном проеме Артема. – Пошевеливайся!

Он вошел в небольшое квадратное помещение и сел за стол. Представительный мужчина с ярко-рыжими, слегка обозначенными сединой волосами расположился напротив и выжидающе молчал. Артем сглотнул:

– Здравствуй, отец.

Николай хмуро смотрел на сына, не понимая, где и, главное, когда просчитался в воспитании. Наверняка, четыре года назад, когда упрямый подросток втемяшил в голову мысль о том, что хочет стать артистом. Но Николай знал – не хочет. Просто его сын, легкий на подъем авантюрист, всегда с готовностью принимал любой вызов. Вот и поступление в театральный институт стало для него очередной незапланированной вершиной, которую тот решил во что бы то ни стало покорить. А что дальше? Всю жизнь работать шутом? Николай тогда твердо заявил, что не намерен общаться, пока Артем не возьмется за ум. Он даже согласился на то, чтобы сын освоил профессию автомеханика, хоть и планировал чуть ли ни с самого его рождения, что

поведет Артема по своим стопам. И что теперь? Вот, пожалуйста, доигрался. Николаю хотелось прямо сейчас высказать все, что накопилось, но он решил не нагнетать обстановку.

– Здравствуй. Ты понимаешь, в каком положении на этот раз оказался?

Артем обреченно кивнул.

– Хорошо. Расскажи все в мельчайших подробностях, начиная с первого корпоратива. Вспоминай даже то, что кажется незначительным. Гости, официанты, не показался ли тебе кто-нибудь подозрительным. Может, кто оказывал твоим Снегурочкам знаки внимания.

– Как ты узнал?

Глаза Яковлева старшего превратились в узкие щели, губы плотно сомкнулись. Да, он оказался прав, когда подумал, что Артем не собирается просить его о помощи. Чертов максималист, будь он неладен! Надеялся на государственного защитника? Дохлый номер, они никогда не вставляют следователям палки в колеса и лучшее, что могут посоветовать – чистосердечное признание и сотрудничество со следствием, ведь тогда судья учтет это при вынесении приговора и назначит минимальный срок.

– Ты мой сын. Я знаю о тебе все. Или ты считаешь, что я способен бросить тебя на растерзание нашим законам?

В комнате повисла тишина. Артем смотрел на отца и не мог поверить, что этот строгий принципиальный мужчина, никогда не идущий на компромиссы и не терпящий, чтобы кто-то, а тем более родня, шел наперекор его воле, уступил амбициям и кинулся на выручку непутевому сыну. Но вот он сидит напротив и внимательно смотрит на Артема, словно детектор лжи, в любую минуту готовый вычислить, врут ему или нет.

– Нет. Конечно, нет, – признался Артем. Он знал, что стоит позвонить отцу, и тот придет. Рано или поздно, но придет. Эта простая истина таилась где-то в глубинах его подсознания. Так далеко, что Артем увидел ее только сейчас.

– Хорошо, – губы Николая незаметно дрогнули. – Теперь говори.

Артем рассказал все, что мог. По непроницаемому, абсолютно невозмутимому виду отца было сложно понять, насколько в действительности плохи его дела.

– Это все, – спустя несколько минут подытожил Артем.

Брови отца сдвинулись к переносице, на лбу залегли глубокие морщины. Медленно выдохнув, он уточнил:

– Каждый раз пешком? Ни на такси, ни на общественном транспорте, а пешком?

– Да, я возвращался пешком и меня никто не видел. Послушай, – Артем понял, что оказался в полной заднице, – хотя бы ты расскажи, что с ними случилось?

Николай выпрямился и громко захлопнул папку с документами.

– Их убили ударом в сердце. Ножом, – годы адвокатской практики пропитали голос мнимым равнодушием. – У каждой отрезано по пальцу на правой руке. Все трое были девственницами.

– Как – трое?

– Вот так. Минаева, Черепанова и Бабкина.

– Галя тоже?

– Мне жаль. Значит, так, – Николай перешел на сухой тон. – Хорошая новость в том, что пока ты подозреваемый. Но поверь моему опыту, даже когда экспертиза платка покажет, что кровь на ткани капиллярная, при отсутствии алиби следствие с легкостью сделает тебя обвиняемым и отправит на нары. Я пока по своим каналам попробую проверить городские камеры видеонаблюдения, если повезет, ты где-нибудь засветился. Но все же лучше алиби. Понимаешь?

– Где я его возьму? – нахмурился Артем. – Ты можешь выступить в качестве свидетеля?

– Не могу. Я либо твой адвокат, либо свидетель. Причем, моя польза в первом случае более очевидна, чем во втором – ни мои показания, ни показания твоей матери не могут давать

гарантий, ведь мы заинтересованные лица. Так что на данном этапе вся надежда на камеры. Хорошенько подумай, кто мог бы выступить в твою защиту. А сейчас мне пора. Никакие бумаги без меня не подписывай.

– У тебя получится вытащить меня раньше, чем через двое суток? – с надеждой спросил Артем. Перспектива провести еще две ночи в камере скручивала внутренности.

Николай обернулся.

– Двое суток? Артем, тебя не выпустят, пока не будет готова экспертиза. Поверь, я имел с Кротовым дело. Более того, будь уверен, этот тип уже сегодня подаст ходатайство в суд, чтобы послезавтра тебя перевели в сизо. А после... Я тебе уже сказал. Нам нужно алиби!

– На каком основании удовлетворят его просьбу? – удивился парень.

Николай вздохнул.

– На основании того, что пока ты единственный подозреваемый. А это значит, что если на время экспертизы тебя отпустить, ты можешь задурить голову свидетелям либо вообще пуститься в бега. Я сделаю все возможное, чтобы не допустить удовлетворения ходатайства, но будь настроен на худшее.

– Охренеть! – выдохнул Артем, и Николай вышел.

Старания Николая ничего не дали, Артема оправили в сизо. Остатки оптимизма испарились, черное покрывало безысходности сухой колючкой сковало мозг. За все эти дни Кротов ни разу не приходил, только отец. И лишь затем, чтобы сообщить об отсутствии подвижек в деле... Поэтому, когда Артема, наконец, повели на допрос, он даже обрадовался и по пути к кабинету прокрутил множество вариантов пламенного приветствия занудного следователя. Но все слова позабылись, когда он ступил за порог...

Осмотревшись и убедившись, что не ошибается в своих предположениях, Артем сдержанно произнес:

– Доброе утро.

Стоящая у окна и изучающая какие-то бумаги девушка расправила без того прямые плечи и одним взглядом припечатала его к месту:

– Для кого как, гражданин Яковлев. Присаживайтесь. Вы можете настаивать на присутствии адвоката и не отвечать на мои вопросы, это ваше право.

Вот так поворот. Куда, интересно, Кротов делся?

– Спасибо. Сам справлюсь.

Решив, что в свете новых обстоятельств стоит попробовать пойти на диалог, Артем разместился на неудобном жестком стуле и приготовился отвечать на вопросы. Странная ситуация и странные ощущения. Во-первых, он до сих пор не мог поверить, что все происходит по-настоящему. Что его не разыгрывают, а действительно обвиняют в убийствах молодых особ. Да-да, именно так. Как будто это долгожданная главная роль, только отрицательная. А еще, во-вторых, следователи не могут быть такими... эм... красивыми женщинами. Точнее – девушками. Артем, когда зашел в кабинет, на мгновение потерялся – потонул в глубоких голубых глазах. Внутри что-то непривычно екнуло, дернулось в области сердца. Но позднее все списал на волнение – не каждый день тебя на допросы в качестве подозреваемого приводят. Быстро взял себя в руки и уже с тихим спокойствием открыто посмотрел на девушку. Красивую и настырную. Артем шкурой чувствовал, что настырная. В печенки залезет, а до истины докопается. Одни глаза чего стоят – прозрачные, смотрят холодно, без пристрастия. Это хорошо. Раз так, значит, отпустит, ведь не убийца же он...

Но тут началось. Его завалили множеством порой абсолютно непонятных вопросов, на которые и ответить-то толком не знаешь, как. Следователь вела беседу таким образом, словно Артем знал детали убийств. Конечно, это тактика такая, но если девчонка чувствовала себя как рыба в воде, то Артем с каждым новым вопросом тревожился все больше, потому

что понял – эта дамочка похлеще Кротова будет. Пускай в нюансах следственной работы он не разбирается, но такую штуку, как отсутствие алиби или кровь жертвы в собственном кармане без внимания никто не оставит. Вот и она не оставила, въелась, словно пиранья, из-за чего раздражение стало накапливаться. Ну сколько раз можно повторять, что не убивал он никого?

– Я дома спал, – отчеканил Артем, на очередной вопрос следователя о месте его пребывания вечером семнадцатого декабря, когда убили Марину.

– Кто может это подтвердить? – внимательные глаза сузились и буквально впились в Артема.

– Один, – напряженно повторил он и заметил, как губы девушки огорченно сомкнулись.

– А шестнадцатого декабря? Тоже были дома? Один?

– Да, – настроение опустилось ниже плинтуса. – Когда меня отпустят?

– Когда суд вынесет оправдательный приговор, – сдвинула брови молоденькая следователь. – И я бы на вашем месте не спешила собирать вещички на выход. Три убийства – это, знаете ли, не витрину в магазине разбить, гражданин Яковлев.

– А я здесь при чем?!

– Яковлев Артем Николаевич, вы подозреваетесь в совершении убийства двух ваших сокурсниц – Минаевой Галины, которую убили ночью с пятнадцатого на шестнадцатое, и Черепановой Ирины. А также в убийстве студентки второго курса театрального вуза Бабкиной Марины. И не надо делать такие глаза, гражданин. В списке последних входящих звонков всех трех погибших ваш номер. К тому же, в ваших личных вещах обнаружена улика – платок со следами крови Бабкиной. Так что я бы на вашем месте поберегла силы и не молала языком избитые фразочки о своей невиновности.

Зеленые глаза потемнели.

– У Марины кровь из носа пошла, тогда я ей платок дал. Что касается Иры с Галкой, так я им звонил, потому что мы вместе на корпоративе работать должны были.

– Ну да, конечно, а я – прима театра балета. Короче, Яковлев, мне эти отмазки ни к чему, слова к делу не подошьешь. Поэтому, советую вам прислушаться к своему адвокату и подумать о том, что чистосердечное признание смягчит наказание.

Артем хмуро посмотрел на следователя. Совсем молоденькая, профессиональный азарт так и брызжет.

– Простите, как вас зовут? – поинтересовался он.

Саша заметно покраснела. А ведь она так старалась напустить на себя строгость и важность! Но беда в том, что перед ней сидел именно тот человек, чье дело не давало покоя уже несколько дней. Мысли вновь и вновь возвращались к обстоятельствам убийств, раскатываясь, как рассыпавшийся по полу бисер. Ей никак не удавалось сконцентрироваться и выудить ту самую основную нить, которая поможет размотать этот клубок бессвязности и хаоса, неожиданно скрутивший сознание. Красными буквами перед глазами вспыхивала надпись «невиновен!», однако логического объяснения Сашка не находила. Скорее, это была интуиция. Страхнув секундное замешательство, она открыто посмотрела в глаза подозреваемому:

– На двери висит табличка.

– Не обратил внимания. Мне выйти и снова зайти?

– Семенова Александра Сергеевна, – отчеканил недрогнувший голос.

– Александра Сергеевна, – громко заговорил Артем, – я так полагаю, это ваше первое дело? Иначе как объяснить тот факт, что вы обвиняете невиновного, основываясь на одних звонках, которые, кстати, мог делать и не я, потому что имею вредную привычку на время спектаклей оставлять телефон в гримерке. Что касается платка, это уже серьезный аргумент, но не настолько, чтобы повесить на меня убийства. Поэтому, если вы не против, я пойду.

От такого хамства у Саши даже дыхание перехватило. Образ милого симпатичного парня тут же растворился, и глаза совсем непрофессионально застелила пелена гнева.

– Сидеть! – командирским тоном рявкнула девушка. Невесть откуда взявшаяся ярость клокотала, грозя вырваться на поверхность. – Не вам и не мне решать, куда и когда вы отправитесь, – звенящий голос отскакивал от голых стен. – На данном этапе вы являетесь подозреваемым и будете сидеть в следственном изоляторе столько, сколько потребуется. Хотите поговорить о своих правах? Звоните адвокату. А первое это у меня дело или сто первое – вас не касается.

Саша бросила холодный взгляд в сторону двери, от которой тут же отделился крепко сбитый мужчина в форме.

– Сами пойдете или под ручки проводить? – нежный голос командира в юбке прозвучал неожиданно зло.

– И кому же это решать, интересно, если не вам? – огрызнулся Артем. Ситуация вырисовывалась неприятная, более того – отвратительная, а он пока не мог сообразить, как ее разруливать. И эта молодая следачка, похоже, не так хрупка, как кажется, на его наглый напор не повелась, да и не шутит, похоже. Прямо сейчас его уведут обратно в обезьянник, а там делай, что хочешь... В подтверждение невеселых размышлений чужие шершавые руки взяли под локти.

– Я сам, – прорычал Артем и сверкнул глазами на Сашу. – Удачи вам, Александра Сергеевна. Надеюсь, извиняетесь вы так же охотно, как строите предположения.

– Берегите нервы, Яковлев, они вам еще понадобятся, – фыркнула Саша в спину удаляющемуся парню.

Надо же, как он ее выбесил! А ведь за все время практики ни одному человеку, независимо от пола, не удалось выбить ее из колеи. Однокурсники даже посмеивались над девушкой, наградив прозвищем – Стальная Шура или попросту – Шуруп. За въедливость, скрупулезность и несгибаемость. Но сегодня из-за этого Яковлева вся ее хваленая несгибаемость оказалась под угрозой. Нет, то есть, конечно, именно здесь в должности следователя это первое дело, которым она занимается от и до. Но ведь во время учебы Саша была лучшей и все самые сложные задания беспощадных преподавателей щелкала, как орешки. Даром что ли красный диплом? Мозг у Саши совсем не женский, любовями-морковьями-шмотками-гаджетами не забитый, так что всегда работает в усиленном режиме и строго в выбранном направлении. А этот Яковлев разом всю ее репутацию чуть не разрушил. Тут нельзя сгибаться, нельзя ломаться – только вперед! Построже надо с этими подозреваемыми, а то совсем борзеют. Никаких краев не видят.

Шумно выдохнув, Саша облокотилась на спинку стула. Дверь за Яковлевым закрылась, но его последние слова никак не выходили из головы. И отчего-то Сашка была уверена, что ей придется извиняться. Неважно, умеет она это делать или нет... Эх, Кротов, какого черта сонный за руль сел? Теперь лежит в реанимации, и врачи не делают никаких прогнозов. А разгребать накопившиеся дела надо срочно. Особенно это.

Все еще находясь под впечатлением от первого разговора с Яковлевым, Саша подумала о том, что у парня нет никакого чувства такта. С другой стороны, его реакция вполне объяснима, особенно, если интуиция не подводит и парень в самом деле не убийца, а несчастная жертва обстоятельств. Именно ей предстоит разобраться в этом деле, и начать надо с ближайшего окружения подозреваемого. Прихватив кожаный портфель, Саша покинула здание следственного комитета и направилась напрямиком в театральный институт, чтобы допросить сокурсников Яковлева.

Беседа со студентами не заняла много времени – все как один утверждали, что Артем крайне положительный парень. И хотя поступал он вроде как на спор, учиться Яковлеву нравилось, и он с энтузиазмом хватался за самые крохотные роли. Тем более что он оказался

очень талантливым и мог играть практически любой характер. Особенно рьяно его нахваливали девушки, видимо попавшие под обаяние молодого человека. Закончив с допросом молодежи, Саша направилась в кабинет руководства.

За массивной дверью с табличкой «Ректор Гетман Матильда Генриховна» оказался прямо-таки музей. Дубовый стол с минимальным набором: малахитовый подстаканник, несколько черных папок, золотой паркер возле новехонькой клавиатуры, лежащей перед ЖК монитором. Мда... Невольно вспомнился собственный кабинет, убогость которого казалась еще более жалкой на фоне этого минималистического великолепия. Аскетичное убранство давило своей тяжестью, и почему-то в этих белоснежных стенах среди мебели из черного дерева Саше невыносимо захотелось поежиться и укутаться в теплую шаль.

– Добрый день. Чем обязана? – взгляд насыщенно синих глаз вонзился в грудь, подобно выпущенной стреле.

Саша мгновение помедлила, привычно сканируя собеседницу: привлекательная внешность, явно недешевый пиджак темно-вишневого цвета в тон с помадой; тщательно уложенные волосы стильного пепельного оттенка и безупречный маникюр. Возраст ректорши скрывался идеальным макияжем. Чтобы так выглядеть, требуется не один час сборов и долгие годы тренировки. Ну, или собственный визажист-стилист... А имя-то какое дурацкое! Как у гадюки в сказке Эно Раунда...

– Следователь Семенова, – Саша подошла к столу и протянула удостоверение. – Студент вашего вуза подозревается в убийстве трех человек. И, что примечательно, жертвы также являлись студентками вашего вуза.

– Вообще вы не первая, кто сообщает нам подобное трагичное известие, – пронзительный взгляд скользнул по идеально сидящей синей форме. – Был тут не так давно шарообразный представитель закона и даже допрашивал подозреваемого. А вы по чью душу сегодня явились?

– Как я могу к вам обращаться? – уточнила Саша.

– Матильда Генриховна, ректор театрального института и главный режиссер в одном лице. Так кто же из моих студентов вляпался в историю на этот раз?

– Речь идет о Яковлеве Артеме Николаевиче, студенте четвертого курса.

– Опять? Совершенно исключено! Я уже говорила это и повторю снова – молниеносно отреагировала Матильда, но при этом ни один мускул не дрогнул на красивом лице. – Артем замечательный мальчик, талантливый, общительный, душа компании...

– Именно поэтому все роли проходят мимо талантливого мальчика?

Ректорша недобро усмехнулась:

– Ну, знаете ли, не для всякого талантливого актера есть подходящая роль. Темочка, конечно, самородок, но пока не нашел свое место. Слишком уж характерный, а ведь актер должен быть пластилином, глиной, водой, наконец, способной заполнить сосуд, принимая его форму. Артем не такой.

– Вот видите, не такой. Значит, вполне вероятно, что под маской хорошего парня скрывается безжалостный убийца молоденьких девушек.

– Нет! – взвизгнула Матильда. – Вы не имеете права обвинять человека, основываясь лишь на собственных умозаключениях.

Глаза цвета грозового неба загорелись лихорадочным блеском, разгадать природу которого Саше оказалось не под силу. Да и вообще, нахождение в этом склепе все больше угнетало девушку, заставляя внутренне скукоживаться от необъяснимого предчувствия опасности. Похоже, Гетман что-то скрывала, а вот что – это еще предстояло выяснить.

– Мне нужна характеристика на студента Яковлева. В ближайшее время пришлю запрос.

– Вы хотите подшить эту информацию к делу? – прищурилась женщина.

– Совершенно верно.

– Хорошо. Если это поможет Тем... Артемию достойно выйти из сложившейся ситуации. Нелепой и абсурдной ситуации. Обвинять мальчика в убийстве... Какой бред!

– Давайте без сантиментов. Лучше скажите, у Яковлева есть девушка или друзья, кто может дать показания?

– Знаете, я не слежу за бурной жизнью своих студентов, не успеваю. Поэтому не могу сказать ничего о его интрижках, – Матильда поморщилась, словно этот разговор был ей неприятен. – Что касается друзей, то у Артемия их сотни! Весь поток, да и соседние тоже. Сложно вычленил кого-то самого близкого.

Понимая, что ничего полезного для себя из этой беседы больше не вынесет, Саша торопливо покинула кабинет. Уже в коридоре ее окликнула высокая девушка. Худенькая, с довольно грубыми чертами лица, обрамленного высветленными прядями с розовым оттенком. Ее легко можно было принять за угловатого парня-подростка, если б не аккуратная грудь и яркое платье. Она тихо заговорила, робко касаясь Сашиного локтя.

– Вы знаете, Темка невиновен. И что тут говорят, будто он убил кого-то – это полная чушь! Он и мухи не обидит, а чтоб убить... Всегда поможет в трудной ситуации. Конечно, хорохорится и прикидывается раздолбаем, но это напускное, поверьте, – глаза собеседницы увлажнились, как будто обвинения, выдвинутые против Артема, касались и ее лично.

– А вы, простите, кто? Его подруга?

– Не совсем. Мы просто друзья, – тяжелый вздох указал на то, что сей факт очень огорчает девушку.

– Ну, если вы друзья, может, посоветуете, с кем я еще могу пообщаться? Важна любая мелочь.

– А вы говорили с Темкиным отцом? Правда, у них очень натянутые отношения, но вдруг он сможет помочь?

– Да, мы уже виделись, – Саша не стала уточнять, что отец Артема представляет его интересы. К тому же те мимолетные встречи и встречами-то назвать сложно – здравствуйте – до свидания из чувства такта.

– Они с Темкой сильно поссорились несколько лет назад и с тех пор никак не могут наладить контакт, – продолжила собеседница. – Просто я подумала, может он что-то знает или, может, Артем был у папы, тогда это же алиби, верно?

– Верно. Если на время убийств у Яковлева найдется алиби, осудить его будет гораздо сложнее, – поддержала Саша.

– За что ж судить?! Он же невиновен!

– К сожалению, на данный момент Артем – единственный подозреваемый.

– Вы должны его спасти! Пожалуйста! Обещайте, это наглость с моей стороны, но я вас умоляю, пообещайте вытащить Темку из этой грязи!

Саша внимательно посмотрела на девушку, которая вдруг напомнила маленького напуганного ребенка.

– Я могу лишь обещать, что сделаю все возможное, чтобы помочь вашему другу избежать тюрьмы, если он действительно невиновен.

– Спасибо. Спасибо вам огромное. Секундочку, – девушка достала из сумки ручку с тетрадью и быстро что-то написала. – Вот мой номер. Если что-то будет надо, может, помощь какая, ну мало ли... Только позвоните.

– Хорошо, – взгляд скользнул по записи, – Женя. Я учту.

Резко развернувшись, девушка быстро помчалась прочь, словно боялась, что Саша передумает брать ее номер.

– Неспроста все это, ох, неспроста, – пробубнила под нос Саша и наконец-то вышла из института.

ГЛАВА 3

Ночи в заточении оказались мучительней, чем предполагал Артем. От жесткого лежака ныли бока, из-за нехватки кислорода болела голова, к тому же он постоянно мерз. Под утро удавалось задремать, но тогда начинали одолевать обрывки неприятных снов, в которых суд признавал его виновным в совершении убийств. Сегодня, наконец-то, удалось уснуть без сновидений, но хриплый бас конвоира выдернул из забытья.

– Яковлев! На выход! К тебе посетитель.

Артем непонимающе уставился в окно, запаянное решеткой, и лишь через несколько секунд осознал, где находится.

– Черт бы побрал всю эту хрень... – выходя из камеры, пробубнил он. – Кого еще принесло?

Усевшись на уже ставшее привычным место в комнате свиданий, Артем в очередной раз задумался над своей судьбой. Как ни крути, а без алиби ему крышка. По крайней мере, на данном этапе. Но кто может пойти навстречу и соврать следствию? У Артема много друзей, только вряд ли кто-то рискнет своей репутацией ради его спасения. Что касается подруг, за его внимание девчонки готовы на любое безрассудство, вот только Артем не позволит себе воспользоваться женской наивностью. Цокот каблуков, отражаясь от мрачных стен, разнесся по коридору и выдернул из невеселых размышлений.

– Какая неприятная аура, – послышался из-за дверей капризный голос ректорши. – Как здесь можно работать? Еще и разрешение на свидание в такой дыре выбивать пришлось!

Скрипнул железный засов, распахнулась тяжелая дверь, и перед идеальным лицом предстал восседающий за пустым столом студент четвертого курса института кино и телевидения Артем Яковлев – ее тайная страсть, ставшая маниакальной.

– Здравствуй, дружок. Как ты тут?

Артем посмотрел на холеную красавицу и подумал, что в этом помещении она совершенно неуместна, словно ожившая фарфоровая статуэтка в запыленной картонной коробке. При этом глаза Матильды светились близким к безумию блеском, как будто женщина вот-вот получит заветный кусок счастья.

– Добрый день, – Артем не любил Матильду, но не мог не уважать ее. В принципе, не сказать, что это уважение – именно уважение, просто Артем был так воспитан, что женщина, даже противная и вредная, все равно остается женщиной. – Хотя, не могу сказать, что последние несколько дней добрые.

– Понимаю, понимаю, обстановочка угнетающая. Приходила ко мне следователь, говорит, дело на тебя внушительное завели. Есть какие-то мысли по этому поводу?

– Мысли? – Артем посмотрел на Матильду, как на сумасшедшую. Она, конечно, в каком-то самом далеком смысле не чужой ему человек, но проявлять такой нездоровый интерес к его судьбе – это ненормально. Какое ей дело до его мыслей? До тела – да, она давно до него домогается. Но чтобы интересоваться, о чем он размышляет, пребывая за решеткой, это что-то новенькое. Кто знает, может, она и вправду чокнутая?

Вместо ответа Артем спросил:

– Что вы здесь делаете?

Матильда, словно айсберг, величественно села напротив.

– Как ректор вуза, я не могу игнорировать подобные... м-м-м... инциденты, происходящие с моими подопечными. Сам понимаешь, какой это удар по репутации учебного заведения. А как женщина, – васильковый взгляд скользнул по губам Артема, – я просто не могу поверить, что ты, такой молодой, перспективный, красивый парень со здоровыми амбициями способен загубить свою будущую карьеру и жизнь.

Артем усмехнулся. Что-что, а карьеру его Матильда и сама достаточно перспективно губит. По крайней мере, последние два года.

– Если вы пришли узнать, убийца я или нет, спешу вас обрадовать – репутации вуза ничего не угрожает. Я никого не убивал.

– Темочка, – улыбка ректорши получилась слишком приторной, а голос чрезмерно елейным. – Я-то тебе верю, на сто процентов верю. Но вот как быть со следствием? У тебя есть алиби на время совершения преступлений? – тягучий голос понизился до шепота, в глазах вспыхнул опасный огонь.

– Нет, – холодно ответил он. Этот бестолковый разговор уже начинал надоедать.

– Тогда ты, как умный мальчик, должен понимать, что твое дело на 99% закрыто. Неужели ты действительно веришь в наше гуманное правосудие? К твоему делу приложат все, какие только имеются, улики и притянутые за уши доказательства, и подошьют еще пару убийств. Но даже если повезет и адвокату удастся оттягивать решение суда, апеллируя на каждом заседании, только представь, сколько времени придется провести в этом ужасе! – Матильда окинула выразительным взглядом давящие стены помещения. – Я, конечно, могу посоветовать хорошего адвоката...

– У меня уже есть адвокат.

– Да? – злая усмешка на миг исказила ярко-вишневый рот. – Ну что ж, если ты не против, я бы могла перекинуться с ним парой слов. Вдруг совместными усилиями нам удастся тебя вытащить?

– О каких усилиях вы говорите? – Артем не понимал, к чему она клонит. – Устроите спектакль?

Он не хотел грубить, но Матильда реально взбесила. Спасти его положение может только железное алиби, которого, к сожалению, нет. И она прекрасно это понимает. Понимает и... Тут Артема осенило.

– Вы серьезно?

– А я похожа на ту, чьи предложения могут быть несерьезными? Тем более в данной ситуации...

Осознание того, что Артем правильно истолковал ее намеки, придало уверенности, и голодный удав, спящий под маской прекрасного лица, уже поднимал голову в предвкушении сытного обеда. – Так что, дашь визитку твоего адвоката?

Откинувшись на спинку стула, Артем впился в Матильду пронзительным взглядом. Да, она не похожа на шутницу. Но и просто так никогда ничего не делает. А тут алиби, лжесвидетельство.

– Что вы хотите взамен? – Артем задал вопрос, ответ на который был очевидным.

– Ты сам прекрасно знаешь, Темочка.

Прикрыв глаза, Артем мучительно вздохнул. Твою ж мать... Никогда бы не подумал, что однажды Матильда добьется своего. Только о том, что в тюрьгу загремит, он тоже не думал. Прав батя насчет того, что нет в этой жизни справедливости. Сверкнув глазами, Артем продиктовал номер отца, осознавая, что подписывает себе приговор едва ли не более страшный, чем тюремный срок.

Прошло несколько часов, помещение не успел покинуть терпкий аромат дорогих духов Матильды Генриховны. Стул, на котором совсем недавно сидела и сверкала васильковыми глазами красивая, хитрая женщина, занял Николай Яковлев. И снова выдернутый из камеры Артем предстал перед открытым взором отца.

– Догадываешься, по какому поводу я здесь?

– Есть некоторые предположения, – нахмурился Артем, вспоминая недавнюю встречу. – Считаешь, это действительно необходимо? – в душе все еще теплилась надежда, что ему удастся избежать сделки с Матильдой.

– Это риск. Очень большой риск, – подчеркнул мужчина, – но без него даже я не смогу тебе помочь.

– Уверен?

Николай хмуро посмотрел на сына.

– Послушай. Ты знаешь, эта затея мне не по нраву. Более того, я вижу, что и тебе она не нравится. А Матильда? Эта роскошная умная женщина подгоняет себя под ст...

Николай осекся. Никогда прежде выдержка его не подводила, а сейчас, черт бы ее побрал, он чуть не сорвался. Здесь нужно быть осторожным и контролировать каждое слово. Тем более, не проговориться о том, что ректор театрального института готова пойти на риск и давать ложные показания в пользу Артема, подставляясь тем самым под статью. Николай взял себя в руки и ровно произнес:

– Какого черта ты дал мой номер, если сам не готов давать нужные показания?

С каждым словом голос Николая звенел все больше. Его сын совершил столько безрассудных поступков, а здесь, когда ситуация тупиковая, жмет на тормоза. Просмотр записей городских видеорегистраторов ничего путного не дал – именно на подъезде Евгении камера оказалась неисправна. Еще немного, и Николай сам пойдет на попятную с лживым алиби. Но тогда Артем во всей красе прочувствует несправедливость этого мира... Нет, он не допустит, чтобы сын совершил еще одну глупость.

– Почему ты сомневаешься?

– Я не сомневаюсь, – возразил Артем, и глаза его сверкнули твердой решимостью. – Просто, будь у меня запасной вариант, я бы выбрал его.

– Вот и славно, – выдохнул Николай. Он боялся, что юношеский максимализм все еще бурлит в крови новоявленного артиста. – Это оправданный риск.

Утром Саша снова умчалась в институт, чтобы допросить отсутствующих вчера студентов. Как и накануне, ничего нового не узнала. Артем – клевый парень, добрый и компанейский, в дурных компаниях не замечен, убить никого не мог...

Ни с чем Саша поспешила в отдел. Неожиданно навалилось ощущение безумной усталости и голода, ведь у нее с утра ни крошки во рту не было. При мысли о еде желудок недовольно заурчал, да так громко, что казалось, слышно за версту.

– А в тюрьме сейчас макароны дают... – процитировала Сашка любимый фильм и тут же вздрогнула. Не хотела б она оказаться в тюрьме. Но как говорят – от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Вон, парень этот, Артем, тоже, наверное, не думал, не гадал, где окажется. Вспомнился его пронзительный взгляд без испуга, без удовлетворения или чувства вины, что обычно свойственно настоящим преступникам. Она научилась почти безошибочно различать взгляд виновного и невиновного человека. Непонятно как, можно называть это чертовым шестым чувством или профессионализмом. И этот Артем не имеет никакого отношения к убийству трех девушек. То, что все они учились с ним в одном вузе, еще не делает его маньяком. А в том, что действовал маньяк с извращенной психикой, сомнений не было.

Все трое скончались от прямого удара в сердце. Никакого сексуального насилия, никакого сопротивления, а это означает, что жертвы не боялись преступника. Возможно, его внешность вызывала доверие, или же они были знакомы. Хотя, как раз это и осложняет дело Яковлева, ведь именно его номер был последним в списке вызовов покойных. Все трое найдены в разных местах – одна на городской свалке, вторая в лесу и третья возле собственной квар-

тиры. Экспертиза выявила, что двоих вывезли с места убийства на машине, но след потерялся в огромном мегаполисе, и никаких подозрительных записей с видеокамер обнаружить не удалось. Рушило логическую цепочку в деле подозреваемого еще одно убийство, слишком похожее по характеру на расследуемые преступления. Месяц назад из реки выловили труп молодой девушки. Смерть наступила в результате удара в сердце предположительно длинным острым предметом. Однако на теле этой девушки, в отличие от последующих жертв, имелись многочисленные травмы, синяки и ссадины, указывающие на то, что она яростно сопротивлялась. И, наконец, у всех несчастных отрезано по одному пальцу правой руки – итого четыре, за исключением мизинца. Еще один важный момент – все убитые были девственницами. Если беспредел творит какой-то маньяк, не исключено, что скоро список погибших пополнится еще одной девушкой для получения недостающего пятого пальца. Какая больная фантазия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.